

УДК 821.161.1-31.09:94:316.343:63-051(476.5)

Образ белоруса в романе Надежды Ланской «Обрусители»

Гурская Я.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В работе исследуется художественное изображение белорусского крестьянства, обращается внимание на реалии полесского быта в западных областях Российской империи в 80-х годах XIX века.

Цель статьи — проследить особенности формирования белорусского стереотипного характера в русской культуре XIX века и его художественное воплощение в литературе данного периода.

Материал и методы. Материалом для исследования послужила критическая и художественная литература XIX века. Основные методы — конкретно-исторический, сравнительно-исторический и дескриптивный.

Результаты и их обсуждение. После раздела Речи Посполитой и вхождения Белорусских земель в состав Российской империи началось формирование белорусского национального стереотипа, ставившего своей целью полное отождествление белорусского и русского народов. В статье рассматриваются реакция общественности на политику русификации на территории Белоруссии и особенности воплощения белорусского стереотипа в художественной литературе XIX века.

Основопологающим в художественных произведениях является принцип композиционного контраста свой/чужой, формирующий у читателя «образ врага». Положительные характеристики морального облика персонажей позволяют «перемежать» русских и белорусов, способствуя русифицированию белорусского национального характера в литературе.

Заключение. Роман Н. Ланской отразил особенности восприятия белорусского народа в соответствии со стереотипизацией и официальной идеологией, направленной на «обрусение» Западного края.

Ключевые слова: русская литература, литературные связи, художественный образ, национальный стереотип, национальное пространство, Полесье.

(Ученые записки. — 2017. — Том 24. — С. 143–147)

Image of the Belarusian in the Novel *Obrusiteli* by Nadezda Lanskaya

Gurskaya Ya.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article examines the artistic image of the Belarusian peasantry, draws attention to the realities of Polissia life in the western regions of the Russian Empire in the eighties of the XIX century.

The aim of the research is to trace the peculiarities of the formation of the Belarusian stereotyped character in the nineteenth-century Russian culture and its artistic embodiment in the literature of that period.

Material and methods. The material for the study was critical and artistic literature of the XIX century. The main research methods are the concrete historical, the comparative historical and the descriptive.

Findings and their discussion. After the division of the Polish–Lithuanian Commonwealth and the entry of the Belarusian lands into the Russian Empire, the formation of the Belarusian national stereotype began, which aimed at the complete identification of the Belarusian and Russian peoples. The article considers the public reaction to the policy of Russification in the territory of Belarus and the peculiarities of the embodiment of the Belarusian stereotype in the XIX century literature.

Conclusion. N. Lanskaya's novel reflected the features of the Belarusian people perception corresponding the stereotype and official ideology aimed at Russification of Western Lands.

Key words: Russian literature, literary connections, artistic image, national stereotype, national space, Polissia.

(Scientific notes. — 2017. — Vol. 24. — P. 143–147)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mrtini@yandex.ru — Я.А. Гурская

Белорусская история богата драматическими событиями. Общим периодом в истории трех восточнославянских народов был период Киевской Руси. Белорусские земли постоянно входили в состав какого-нибудь крупного государства, территории находились в разной степени зависимости от соседей, поэтому вполне закономерно, что многие писатели-иностранцы в своих произведениях обращаются к художественному осмыслению белорусского характера и жизненного уклада. Среди них чаще всего встречаются представители соседних литератур, в первую очередь польской и русской. Опираясь на собственную историю, обращаясь к конкретным событиям или важным периодам формирования своей государственности, анализируя собственный национальный характер, эти авторы изображали белорусов, отталкиваясь от своих представлений о чужой и собственной истории и культуре. Впоследствии этот субъективный национальный взгляд позволил говорить не только об особом восприятии другого народа, но также и о национально-культурных стереотипах, сформировавшихся у читательской аудитории посредством художественной литературы.

Цель статьи – проследить особенности формирования белорусского стереотипного характера в русской культуре XIX века и его художественное воплощение в литературе данного периода.

Материал и методы. Материалом для исследования послужила критическая и художественная литература XIX века. Основные методы: конкретно-исторический, сравнительно-исторический и дескриптивный.

Результаты и их обсуждение. На протяжении долгого периода образы белорусов в русском политическом и бытовом сознании ассоциировались сначала с Великим княжеством Литовским и литвинами, а затем с Речью Посполитой и поляками, на стереотипном отношении к которым, ввиду сложных исторических и политических взаимодействий, эстетически создавался образ национального врага. Однако сразу после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году и в последующие века Белоруссия входила в состав Российской империи, что потянуло за собой не просто интеграцию белорусов в русскую культуру, но и изменение национального мышления, в котором белорусская «народность» представлялась полным отождествлением русского национального характера. Политика культурного доминирования преследовала, в первую очередь, стирание этнического деления на *мы / они* и *свой / чужой* по отношению к белорусской нации. Она дала определенные результаты, так как русские и белорусы воспринимают друг друга, прежде всего,

как *братьев, добрых соседей, партнеров* и т.п. Вместе с тем русификация белорусского этноса в XVIII–XIX веках не предусматривала сохранения уникального национального менталитета, речь шла о полном подавлении культурного кода. В современных же геополитических реалиях речь, разумеется, идет о диалоге русской и белорусской культур как самостоятельных и уникальных единиц.

Важную роль в формировании представлений о другом народе играет литература. Связано это, в первую очередь, с типизацией и собирательностью образов героев художественных произведений. Так, в русской литературе XIX века широко представлен образ гувернера-француза или француженки, отличительными чертами которых являются кичливость, псевдообразованность, излишняя манерность. И, напротив, образ сдержанных, разумных, всегда серьезных педагогов-немцев. Такая контрастность диктовалась триумфом русской армии в Отечественной войне 1812 года и сложившимся еще с петровских времен представлением о немецкой принадлежности как garante образования и качества. Разумеется, данный подход к изображению иного национального характера не является объективным, но у читателя формируется определенное отношение к чужой народности – в данном случае французам и немцам, – которое в дальнейшем он будет применять в реальной действительности. Таким образом, формируется национальный стереотип.

С конца XVIII века перед Российской империей стояла задача изменить восприятие белорусского народа с отрицательного на положительное. Задача эта осложнялась также тем, что следовало не просто создать новый национальный стереотип, но и изменить взгляд белорусов на самих себя, их собственное восприятие себя. В 1840 году, руководствуясь самим фактом восстания 1830–1831 гг., Николай I издал указ, в котором запрещал употреблять в официальных документах, а также печати слова «Белоруссия» и «белорус». И хотя исключения встречались, например, в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Пантеон» и др. публиковались очерки и обзоры книг, связанные с белорусской историей и культурой, политика в отношении *Западного края* была однозначной, направленной на ассимиляцию белорусов, подавление национального самосознания.

В этот период были написаны и изданы романы «Иван Выжигин» (1829) Ф. Булгарина и «Пан Подстолич» (1832) Ф. Массальского. По своему идейному содержанию данные произведения нельзя сравнивать, однако оба автора изобразили картину жизни белорусского крестьянина с акцентом на противопоставлении *поляк – белорус*

и поляк – русский. Таким образом, читатель самостоятельно проводит параллели о родстве русских и белорусов и одновременно объединяет их против общего «врага», который устоялся в русском менталитете, – поляков.

После указа 1840-го года широкое распространение получили фольклорные заметки и этнографические очерки, связанные с Западным краем: «Народные белорусские песни» (1853) Е.П. Павловской, «Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях» (1853–1856), «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (1854) П.М. Шпилевского, «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии» (1856) М.О. Без-Корниловича. Большую популярность приобрели статьи и заметки из так называемого цикла «Нам пишут» (этими строками начинались многие публикации белорусских корреспондентов) в газете «Колокол» Александра Герцена. В них рассказывалось о происшествиях и непростой жизни в Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской губерниях [1, с. 182].

Помимо первоочередных целей, которые преследовали авторы, данные публикации продолжали доказывать, что между русскими и белорусами нет значительных отличий: у них одинаковые культура, образ жизни, деятельность, в повседневной жизни крестьянам приходится сталкиваться со схожими проблемами, а значит – это единый народ, который должен объединиться.

Усугубилась ситуация после очередного Польского восстания 1863–1864 гг. Подавление национального сопротивления привело к ужесточению политики по отношению к Западному краю и новой волне русификации этих территорий. Подчеркнуть родство двух народов стало настолько первостепенным, что в своем отчете по управлению Северо-Западным краем граф М.Н. Муравьев писал, что все крестьянское население «в душе русское», но загнано и забито и ждет только освобождения: *«здесь одни только крестьяне, сохранившие Православную веру и даже насильственно принявшие римско-католичество, остались верными сынами России и преданными престолу вашего императорского величества; их необходимо поднять, возвысить и поставить в совершенно независимое положение от польских панов. Тогда только мы можем бороться с польскою пропагандою, постоянно уничтожать ее и привести в ничтожество»* [2, с. 497–498].

Религия стала сближающим звеном в отношениях русских и белорусов. Единство православной веры трактовалось как доказательство единства народов и противопоставлялось полякам в частности

и католичеству в целом. Ярким примером такого подхода в литературе является исторический роман Вс. Соловьева «Княжна Острожская» (1876), в котором автор показывает взаимоотношение русских, белорусов и поляков с акцентом на современную ему политику, сохраняя лишь исторические реалии повествования. Таким образом, национальный стереотип белорусского народа в русской ментальности максимально отождествлялся с собственно русским этносом.

Актуальным произведением, отразившим особенности восприятия белорусского народа и его так называемое современное состояние, является роман Надежды Владимировны Ланской (в замужестве Яковлевой) «Обрусители», вышедший в 1883 году. Во второй половине XIX века Надежда Ланская была известным либеральным публицистом и писателем. В своем творчестве она последовательно отстаивала права крестьян, одновременно изображая невежество провинциальной России. Наиболее известные ее повести и романы «Ночная бабочка: Простая, но подлинная история», «Разоренное гнездо», «Человек и барин», книга очерков «Как живется в провинции» обличали злоупотребление чиновников своим положением, их намеренное пренебрежение народом, манипулирование законодательством по отношению к крестьянам. Неоднократно за свои публикации Н. Ланская подвергалась репрессиям и осуждению со стороны государства и чиновничьего аппарата. За роман «Обрусители», который при жизни автора выдержал три переиздания и перевод на украинский язык, Надежда Владимировна Ланская была привлечена к судебной ответственности.

Действие романа происходит в Западном крае, в одной из волостей Полесья. Структурно произведение поделено на две части: в первой рассказывается о деревне Сосновке и крестьянах, живущих в ней, а во второй внимание Ланской направлено на провинциальный город и, собственно, нечистых на руку чиновников: «пана маршалка» Петра Ивановича Лупинского и его окружение – старшину волости Тараса Кулака и мирового посредника Михаила Гвоздики. Автор подробно описывает их махинации, а также злоупотребление должностным положением, что позволяет героям за несколько лет службы нажиться на незаконных сделках и поборах.

С самого начала повествования Н. Ланская отмечает, что мирная жизнь Волчьей волости изменилась после *«стеканія великаго мно- жества людей великорусскаго происхожденія преимущественно и православнаго исповѣданія непремѣнно»* [3, с. 9], чтобы «обрусить» территории, когда-то входившие в состав Речи Посполитой. При этом на протяжении всего романа ав-

тор подчеркивает, что отрицательно относится к самой политике русификации, но намеренно или нет, Н. Ланская продолжает способствовать формированию нового белорусского стереотипа. Так, описывая белорусскую деревню, она говорит, что Сосновка «длинная, растянувшаяся чуть не на две версты, не составляла исключения: она, как все русскія деревни, и горѣла и градомъ бывала побита, страдала изъ года въ годъ отъ падежей и засухи, и пила мутную воду изъ какого-то пруда, который лѣтомъ заросталъ высокой травой, а осенью вплоть до морозовъ покрывался тиной...» [3, с. 7]. Проводимая параллель является прямым отражением политической доктрины того времени: одна вера – один народ, одно государство – один народ. Ланская намеренно обращается к инонациональным образам, поднимает проблему насильственного подавления культурного кода Западного края, и одновременно с этим мы видим, что сама она уже не воспринимает белорусов как категории «чужих», а говорит о них как о части русской нации.

Показательным является и само отношение автора к своим героям. На протяжении всего повествования Надежда Ланская неоднократно подчеркивает отдаленность Сосновки, ее «дикость», что является своеобразной метафоричностью «дикости» самих крестьян: «Крестьяне знали, что для порядка надъ ними поставлень посредникъ и въ его лицѣ повиновались печатному закону; они работали и платили, не спрашивая, кому работают и за что платять <...> Мужикъ бѣднелъ годъ отъ году и самъ не домекаль, почему онъ бѣднѣетъ» [3, с. 7]. Автор показывает, что миропонимание деревенских жителей строится на подчинении власти и силе, которой они не смеют перечить, но в чем эта власть заключается, кто ею обладает, никто представления не имел: «Они полагали, что Петръ Ивановичъ существуетъ только затѣмъ, чтобы дѣлать смѣты и раскладки, собирать подати и недоимки, отдавать въ рекруты, а больше всего затѣмъ, чтобы распредѣлять то количество розогъ, которое ежегодно отпускалось на волость подобно тому, какъ отпускается изъ казначества жалованье. Слова: мировой посредникъ сливались у нихъ какъ-то неясно съ словомъ законъ: это представление, само по себѣ довольно неясное, еще болѣе запуталось отъ толкованій волостнаго старшины и писаря» [3, с. 18–19].

С той же пессимистической реалистичностью описывает Н. Ланская и быт сосновцев: «Во всю длину улицы вытянулся длинный рядъ однообразныхъ низкихъ строеній съ крошечными, едва пропускающими свѣтъ, окнами. Что это: избы или хлѣвы <...> Кое-гдѣ въ избахъ зажегли лучину, и ярко-красный свѣтъ ея, освѣщая

закоптѣлыя, почернѣвшія стѣны, составляль рѣзкій контрастъ съ убогой, печальной обстановкой. Обстановка была вездѣ одна и та же, и вездѣ убога; вездѣ не только проглядывала, но была въ глаза непокрытая голъ и бѣдность: бѣдность въ одѣждѣ, пицѣ, в самыхъ лицахъ, во всемъ, что окружало тутъ человѣка с минуты рожденія и до самой смерти» [3, с. 5–6]. В то же время есть в жизни полесских крестьян и счастливые минутки, которые преподносятся автором с сарказмом и насмешкой: «[Сосновка] какъ всякая благоустроенная деревня, имѣла въ центрѣ кабакъ; Кабакъ – это было то развлеченіе, безъ котораго нельзя жить на землѣ ни подъ какимъ градусомъ широты. Это было единственное <...> мѣсто, <...> гдѣ отуманенныя головы мѣстныхъ крестьянъ забывали про надежи, недоимки, пожары и многое другое» [3, с. 8].

С одной стороны, этим Н. Ланская хотела подчеркнуть, что политика обрусения не работает, а множество чиновников, направленных в Полесье, преследовали лишь одну цель: «завоевать себѣ состояніе, положеніе сдѣлать карьеру» [3, с. 13], потому что слышали о том, что «западный край былъ золотымъ дномъ для находчивыхъ людей» [3, с. 13]. С другой – автор обращается к проблеме Россия–Западный край, вопрос взаимодействия которых культивировался в печати несколько десятилетий до этого. Можно здесь говорить и о стереотипе общего врага: почему западные земли Российской империи находятся в таком упадке? Ответ в романе напрашивается сам собой: потому что эти территории долгое время оставались под влиянием польской власти и пропаганды. Подтверждение приверженности Надежды Ланской данной идее мы находим в истории жизни и поведения жены Петра Лупинского – польки, «которая скрывала свою вѣру и происхожденіе изъ боязни повредить карьерѣ мужа» [3, с. 13–14]. Следует отметить, что автор не скупится на иронические детали, описывая этот персонаж и продолжая традицию освещения польской темы в русской литературе XIX века.

Раскрытие вариантов развития межкультурных отношений русских и белорусов происходит путем введения в повествование одного из ключевых героев первой части романа – отставного солдата Гаврилы Щелкунова. Будучи уроженцем Сосновки, он 25 лет провел в иной обстановке и был подвержен влиянию другой этнической идентичности: «Онъ явился съ запасомъ разностороннихъ свѣдѣній и нѣкотораго рода критическимъ отношеніемъ, так сказать, къ той дѣйствительности, которая его окружала по возвращеніи на родину. Онъ кое-какъ выучился грамотѣ, могъ прочитать печатное и самъ выводилъ непонятныя каракули,

которые очень смѣло называлъ литеррами; онъ могъ сосчитать хотя до тысячи, производя всѣ арифметическія выкладки на пальцахъ, и былъ настолько силенъ въ лѣтосчисленіи, что могъ безошибочно опредѣлить, во всякое время, какой шелъ годъ со времени Р.Х.» [3, с. 16–17]. При этом Н. Ланская не обособляет своего героя от общества, напротив, она наделяет его авторитетом среди деревенских мужиков, которые настолько прониклись доверием и уважением к Щелкунову, что согласились на «бунт» против старосты и посредника.

Общественная позиция Гаврилы Щелкунова показана посредством превознесения им русской культуры, русского образа жизни. Здесь автор выступает на стороне общественной пропаганды народного единения. Российская империя изображается как светлое, развивающееся государство и противопоставляется темному, все еще чуждому русской общности Западнему краю: «Гуляя по “Россеѣ”, потолкавшись между бойкими крестьянами орловской и тульской губерній, присмотрѣвшись къ ихъ обычаямъ и порядкамъ, Щелкуновъ, когда вернулся домой, скоро рѣшилъ, что порядки въ его собственной волости никуда не годятся. Особенно его оскорбило нахальное поведеніе княжескаго арендатора, еврея Цаплика, который, благодаря своимъ таинственнымъ связямъ съ главной конторой князя и мѣстной администраціей, не хотѣлъ знать никакихъ законовъ и помыкалъ крестьянами, какъ своими крѣпостными» [3, с. 17]. Готовность крестьян следовать за идеалами Щелкунова, принятие их как единственно верных и неоспоримых призваны продемонстрировать читателю, что духовные черты русского характера не чужды и белорусам, что искусственно разделенные в прошлом эти два народа в действительности являются одним целым.

В конечном результате попытка крестьян сопротивляться устоявшемуся беззаконию не увенчалась успехом. Щелкунова было решено наказать розгами и выселить из Волчьей волости, а его «подельников» посадили в острог. Показательной является следующая сцена: «Уходя съ своими пожитками, оскорбленный и негодующій Гарикъ Щелкуновъ сказал, что онъ дойдетъ хоть до Царя, обозвалъ всѣхъ дураками...» [3, с. 53]. Автор демонстрирует отрешенность Щелкунова, фактически трансформирует его в чужака: на солдатской службе он был среди *своих*, его окружали люди, разделявшие его убеждения, в Сосновке же он оказался в «темном царстве

невежества и произвола», где ему пришлось отстаивать свою правоту. Таким образом, концепт *свой / чужой* в романе Н. Ланской раскрывается в момент трансформации: Щелкунов начинает ассоциировать себя с русскими, с клишированной верой в абсолютную справедливость царя, с четким разграничением Западного края и остальной России. Именно поэтому герой «возвращается» в русскую среду, где ему комфортно, а не остается со своими товарищами, которые в конечном итоге признают неправоту бунта против чиновничьего произвола и возвращаются в Сосновку.

Заключение. Роман «Обрусители» Надежды Ланской направлен на разоблачение чиновничьего аппарата в так называемом Северо-Западном крае. Писательница стремилась, прежде всего, раскрыть махинации, связанные с обрусением западных регионов, показать, что система работает в большей степени лишь на бумаге, а в действительности каждый «обруситель» преследует свою мелочную цель. Создавая образ жителя западной окраины России, Н. Ланская не могла не коснуться актуальной для литературного процесса ее исторического времени темы белорусского характера. Она выступила оппонентом насильственной русификации Западного края, при этом ввела в повествование героя, который естественным путем пришел к иной национальной ментальности, идентифицировал себя с русским народом. Сама Надежда Ланская симпатизирует белорусскому народу, считает его «смирным, добросовестным, немного ленивым, терпеливым и невзыскательным» [3, с. 104–105]. В произведении широко используется принцип композиционного контраста: *свой / чужие* в изображении этнических групп; *положительные / отрицательные* при характеристике морального облика персонажей; *прошлое / настоящее, настоящее / будущее* в осмыслении перспектив развития национальных окраин России.

Литература

1. Букчин, С.В. Народ издревле нам родной: рус. писатели и Белоруссия. Очерки / С.В. Букчин. — Минск: Лимариус, 2003. — 640 с.
2. Муравьев, М.Н. Всеподаннійшій отчетъ графа М.Н. Муравьева по управленію Съверо-Западнымъ краемъ / М.Н. Муравьев // Русская старина. — 1902. — № 6. — С. 487–510.
3. Ланская, Н. Обрусители. Романъ изъ общественной жизни западнаго края. Въ двухъ частяхъ / Н. Ланская. — С.-Петербургъ: Изданіе книжнаго магазина П.В. Луковникова, 1888. — 281 с.

Поступила в редакцию 18.10.2017 г.